

группами; важным моментом этой части исследования следует считать выявление особенностей общественной жизни и той роли, которую играли в этом плане в прошлом мечети и аловхона (дома огня), их связь с различными древними институтами, в частности такими, как мужские союзы. Характерным для горных районов было активное участие старших женщин в общественной жизни матчинцев.

Тип дома таджиков Матчи, по исследованию автора, аналогичен жилым строениям других горных районов Таджикистана, а его генезис может быть связан с древним согдийским жилищем, известным по раскопкам в Пенджикенте. Нам кажется, что автору следовало бы более детально рассмотреть особенности развития матчинского жилища. Известно, что общая древняя основа согдийских жилых построек даля в горных районах два отличных друг от друга варианта: восточный, который распространен не только в Матче, но и в Ягнобе, Фане и Фальгаре, и западный, бытующий в Кштуте, Шинге, Маргиане, Пенджикенте с окрестными кишлаками и Офтобруе¹.

Выделение особенного в культуре матчинцев по сравнению с другими горными таджиками в работе проводится, но недостаточно. Частично это может быть оправдано отсутствием столь детальных исследований по другим районам. Так, нам не известно ни одного описания жилища, где бы его интерьер был дан в такой тесной связи с жизнью в нем людей: предметом подробного описания являются мельчайшие детали домашней утвари, их местоположение, использование, иногда даже изготовление, а также связанные с ними представления.

Очень интересен раздел книги, в котором детально описана пища древних земледельцев и животноводов, много веков живших в суровых условиях высокогорья. Особое внимание уделено описанию таких древних блюд, как *талкон* (толокно), похлебки из цельного и дробленого зерна (жидкие и густые), заправленные пахтаньем и дикорастущими травами, целебные свойства которых были хорошо известны матчинцам. Автору книги удалось записать местные легенды о происхождении земледелия, о защитных магических свойствах хлеба, горного лука, репы, тыквы, отметить особое, характерное лишь для части горных районов Таджикистана, сакральное отношение к некоторым овощам и дикорастущим травам.

Оценивая разделы книги, касающиеся культуры матчинцев в прошлом, следует отметить, что их общей чертой является скрупулезное выявление мельчайших этнографических особенностей. Это и делает первую часть работы очень ценным не только этногенетическим, но и общеисторическим источником, к которому смогут обращаться исследователи народов, находившихся на стадияльно сходных уровнях развития.

Ценность книги М. Хамиджановой как первоисточника по материальной культуре матчинцев особенно велика в связи с тем, что дальнейшее развитие культуры этой группы горных таджиков в значительной мере определялось переселением их в совершенно иные географические условия. В книге подробно рассказывается о том, как социалистическая форма ведения хозяйства, внедрение передовой механизации и агротехники привели к тому, что в настоящее время район Новой Матчи на вновь орошенных землях Дальверзина — одна из самых передовых хлопководческих плантаций республики. Высокие доходы матчинцам приносят также садоводство, зерновое хозяйство и животноводство.

Неузнаваемо изменились условия жизни матчинцев. Новый район застраивается поселками городского типа по генеральному плану. Выросла своя интеллигенция — врачи, агрономы, инженеры. Почти все преподаватели местных школ — матчинцы. Значение всех происходящих в Новой Матче изменений особенно ярко проявляется при сопоставлении материальной культуры матчинцев до и после их переселения. Преодоление прежней изолированности, развитие в рамках единого социалистического государства разносторонних межэтнических связей определяют отныне характер происходящих здесь этнических процессов. Однако их своеобразие и степень интенсивности не могут быть достаточно глубоко раскрыты только по данным материальной культуры матчинцев. Исключительно важный источник для освещения этого вопроса — духовная культура матчинцев. Хочется думать, что эта тема станет следующим этапом предстоящего автором исследования.

В заключение следует отметить, что книга снабжена хорошими иллюстрациями и указателем терминов.

Ф. Д. Люшкевич

¹ См. «Материальная культура таджиков верховьев Зеравшана», Душанбе, 1973, стр. 64.

В. Ф. Иванов. Историко-этнографическое изучение Якутии XVII—XVIII вв. М., 1974, 287 стр.

Тема рецензируемой монографии В. Ф. Иванова, выпущенной издательством «Наука», очень актуальна, так как до сих пор не было специального исследования, посвященного историко-этнографическому изучению Якутии XVII—XVIII вв.

Работа выполнена на большом источниковедческом материале. Автор использовал («Акты исторические», «Дополнения к Актам историческим», «Акты архивов

Якутской области» и т. д.), публикации крупных советских ученых (А. И. Андреева, М. И. Белова, А. П. Окладникова и др.), архивные документы (Отдела рукописей Гос. Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Архива Ленинградского отделения АН СССР, Архива Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая и др.).

Монография состоит из трех глав. Первая охватывает период с XVII в. до первой четверти XVIII в., вторая — со второй четверти XVIII в. до 1760-х годов, а третья — с 1760-х годов до конца XVIII в.

Удачное выделение трех этапов в историко-этнографическом изучении якутов дало возможность В. Ф. Иванову проследить процесс зарождения и постепенного развития исторических знаний о якутах.

Монография ценна тем, что дает объективную научную оценку дореволюционной историографии.

Привлеченный В. Ф. Ивановым материал тщательно изучен и критически осмыслен с позиций марксистско-ленинской методологии.

Обратимся к отдельным главам. Первую из них автор начинает с рассмотрения материалов, собранных служилыми и промышленными людьми, и выясняет значение этих данных для изучения народов Сибири вообще и Якутии в частности. В. Ф. Иванов показывает, что сведения русских землепроходцев, использованные уже в сочинениях XVII в. как в России, так и за границей, следует считать ценным источником.

В этой главе имеется также специальный раздел, в котором рассматриваются сообщения иностранных писателей о якутах. Автор совершенно правильно начинает изложение с воспоминаний польского пленного шляхтича Адама Каменского-Длужика, сосланного в XVII в. в Сибирь. Нам представляется, что здесь следовало бы упомянуть еще об одном пленном поляке, внесшем, несомненно, большой вклад в изучение якутов. Мы имеем в виду полковника польских королевских войск Людвиг Сеницкого, взятого в плен при капитуляции Быхова в 1707 г. и сосланного в Якутск. Сеницкий прожил среди якутов до 1722 г. и собрал много сведений по их материальной и духовной культуре. Его записки были опубликованы в 1754 г.¹

Далее автор обращается к сочинениям И. Идеса, Н. Витсена, обстоятельно анализирует книгу Ф. И. Страленберга «Das Nord und Ostliche Theil von Europa und Asia» и отмечает большие заслуги ученого в деле изучения якутов.

Вторая глава почти целиком посвящена деятельности в Сибири Первой и Второй Камчатских экспедиций. Особенно подробно В. Ф. Иванов освещает Вторую Камчатскую экспедицию, привлекая ценные архивные материалы, до настоящего времени мало использованные, что, безусловно, повышает значение работы.

Однако к этой главе у нас больше всего замечаний. Автор справедливо указывает, что литература о деятельности академического отряда Второй Камчатской экспедиции весьма велика и что о Г. Ф. Миллере как руководителе экспедиции и историке Сибири написано немало работ. Нам кажется, было бы правильнее подробнее остановиться на неопубликованных работах Г. Ф. Миллера, раскрыть его роль как этнографа сибирских народов, а не повторять уже известные в литературе факты. В частности, следовало бы детальнее рассмотреть его рукопись «Известия о якутах и их шаманах...», которую автор монографии характеризует как ценное этнографическое сочинение.

Ничего не пишет В. Ф. Иванов и о специальной этнографической работе Г. Ф. Миллера «Описание сибирских народов», хранящейся в ЦГАДА (ф. 181, № 763/1386) (на нем. яз.).

К сожалению, чрезвычайно кратко говорится о деятельности других членов экспедиции — И. Г. Гмелина, И. Э. Фишера, Г. В. Стеллера.

В материалах о И. Г. Гмелине В. Ф. Иванов не упоминает о рукописи этого путешественника, хранящейся в Ленинградском отделении Архива Академии наук СССР под заглавием «Tage Register der Kamtschatzkischen Reise...». Рукопись интересна тем, что на полях имеются заметки И. Г. Гмелина и рисунки этнографического характера, в частности изображение якута с татуировкой на лице. Подробное описание такой татуировки дается в тексте.

Только вскользь упоминает В. Ф. Иванов и о записной книжке Г. В. Стеллера (Архив АН СССР, р. III, оп. 1, № 55), содержащей некоторые не лишние интереса сведения о якутах.

Бесспорно ценным в этой главе является подробный анализ рукописи Я. И. Линденау — активного участника этой экспедиции, оставившего после себя шесть этнографических работ. Одна из них, посвященная якутам, высоко оценена такими крупными советскими этнографами, как М. О. Косвен и С. А. Токарев.

Заканчивается вторая глава разбором деятельности в Сибири Г. Г. Скорнякова-Писарева, Г. Фика и Ф. И. Соймонова — политических ссыльных, немало сделавших для изучения Якутии.

В первом разделе третьей главы автор показал, что в 80—90-х годах XVIII в. был собран и обобщен значительный материал по этнографии и географии Якутской обла-

¹ L. Cienicki, Dokument osobliwego Milosierdzia Boskiego..., Wilnie, 1754, XII.

сти. В. Ф. Иванов правильно подметил, что «Ведомости о народах Сибири» и «Описание» («Описание... о нравах, качестве и обхождении находящихся в окрестности и ведомстве города Якуцка... иноверцах...», «Описание обитающих в Якутской области якутах...» и др.) были составлены по единой программе и отвечали единым требованиям. Последние обуславливались тем, что правительству необходимы были сведения географического, этнографического и экономического характера о Сибири вообще и о Якутской области в частности.

Во втором разделе третьей главы дан анализ деятельности участников академической экспедиции 1768—1774 гг., географической и астрономической экспедиций 1785—1792 гг. и разобраны сочинения иностранных путешественников В. Кокса и Ж. Б. Лессепа.

Много внимания уделил автор разбору труда И. Георги «Описание всех в Российском государстве обитающих народов», который не утратил своего значения и до сих пор, несмотря на иногда неточные сведения об отдельных народах. К сожалению, В. Ф. Иванов не подошел к этому труду критически, а это следовало бы сделать. Ведь сравнивая сведения И. Георги с данными И. Г. Гмелина, можно прийти к выводу, что во многих случаях И. Георги был компилятором. Не указывая использованных источников, он перенес в книгу 1776 г. наблюдения начала века.

Говоря о географической и астрономической экспедиции 1785—1792 гг., В. Ф. Иванов останавливается только на материалах Г. Сарычева и К. Мерка. К сожалению, не привлечены автором дневники руководителя экспедиции И. И. Биллингса (Центральный государственный архив Военно-Морского Флота, ф. 913, № 160 и др.), где имеются интересные материалы о якутах.

Сведения из записок В. Кокса и из журнала Ж. Лессепа весьма интересны, но когда В. Ф. Иванов говорит о материалах Ж. Лессепа, видно, что автор пользовался русским переводом, а не подлинником книги. В русском переводе по сравнению с французским текстом отсутствуют интересные места, содержащие этнографические данные.

Нам кажется, что в данной главе уместно было бы сказать и о поляке Юз. Копце — участнике восстания Т. Костюшки, взятом в плен в 1794 г. и сосланном на Камчатку. Проезжая по Сибири, Копец много внимания уделил сбору этнографических материалов. В его дневнике, вышедшем, правда, в свет уже в XIX в., находим интересные данные о якутах².

В этом же разделе следовало бы упомянуть и о сосланном в Сибирь немецком почтмейстере из Пиллау Л. Вагнере. Он попал в плен в 1759 г., а в 1789 г. вышли его записки, содержащие этнографические материалы о некоторых народах Сибири, в том числе и о якутах³.

Несмотря на отмеченные пропуски, вполне возможные в такой большой и сложной работе, и не всегда критический подход к источникам, рецензируемая работа должна быть признана очень ценной для историков и этнографов Сибири.

З. Д. Титова

² «Dziennik podróży Jósefa Kopcia...», Wrocław, 1837.

³ L. Wagners gegenwärtig Königl. Preuss. Postdirektors zu Graudenz..., Berlin, 1789.

Народная поэзия рабочих Сибири. Составление, вступительная статья и примечания Л. П. Кузьминой. Улан-Удэ, 1974, 260 стр.

Рецензируемый сборник, составленный сотрудницей Бурятского института общественных наук Бурятского филиала Сибирского отделения АН СССР Л. П. Кузьминой — первая антология рабочей поэзии Сибири.

Книга содержит 212 текстов, хронологически охватывающих огромный период, — от середины XVIII в. до второго десятилетия XX в. Наряду с ранее опубликованными в нее вошли и новые записи. Значительная часть их (57) была сделана в разные годы фольклорными экспедициями Бурятского института общественных наук и хранится в рукописном отделе Бурятского филиала СО АН СССР. 23 текста извлечены составителем из краевых (Алтайский, Красноярский) и областных (Кемеровский и Тобольский фонд Тюменского) архивов Сибири, а также из рукописных отделов сибирских музеев (Горно-Алтайский, Минусинский им. Н. М. Мартыанова, Тобольский, Читинский) и Тувинского научно-исследовательского института языка, литературы и истории; 4 текста — из архива Географического общества (Ленинград) и 2 — из рукописного отдела Института русской литературы АН СССР (Пушкинский Дом). Часть их (в отрывках) уже появлялась в печати, но полностью они еще не публиковались. 56 текстов взяты из личного архива Л. Е. Элиасова, известного собирателя и исследователя русского фольклора Восточной Сибири, редактора рецензируемой книги, в мае нынешнего года скончавше-